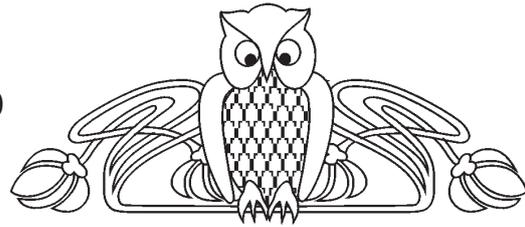

УДК 821.161.1.09+929 Мережковский

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРИЖИЗНЕННОМУ ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: «РЕФЛЕКТИВНЫЙ» АСПЕКТ

А. А. Холиков

Московский государственный университет
E-mail: alexey_kholikov@mail.ru

В статье на примере Д. С. Мережковского поднимается вопрос о природе и назначении авторских предисловий к прижизненным полным собраниям сочинений русских писателей; делается вывод о жанровом сходстве рассматриваемого предисловия Д. С. Мережковского с исповедью и проповедью-поучением.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, авторское предисловие, прижизненное полное собрание сочинений, литературоведение.

**The Author's Preface to the Lifetime Complete Works
of D. S. Merezhkovsky**

A. A. Kholikov

In the article on D.S. Merezhkovsky's example the question on the nature and appointment of author's prefaces to lifetime complete works of Russian writers is brought up. The author comes to a conclusion about genre similarity of the considered preface of D. S. Merezhkovsky to a confession and sermon.

Key words: D. S. Merezhkovsky, author's preface, lifetime complete works, literary criticism.

К авторскому предисловию как элементу обрамления неприменим термин «научно-справочный аппарат». Сущность этого текстового феномена – эстетическая. Несмотря на то что предметом пристального научного внимания литературное предисловие стало недавно, существует фундаментальный труд О. Г. Лазареску¹, в котором представлены выводы о природе и назначении данного рамочного компонента, значимые для нашего исследования. В то же время в упомянутой работе речь прежде всего идет о предисловиях к отдельным произведениям, на обширном материале намечены основные линии их системного изучения с акцентом на драматургическом и романном творчестве. Между тем вопрос о роли и месте авторских предисловий к прижизненным полным собраниям сочинений русских писателей² в монографии Лазареску не поставлен вовсе. Этот же вопрос отсутствует в статье Е. А. Андрущенко о предисловиях Д. С. Мережковского³, в которой проделана большая и нужная работа по выявлению их своеобразия и сопоставлению с предисловиями к произведениям других авторов, а также показана связь предисловий писателя с его идейной и творческой эволюцией.

Таким образом, потребность разобраться в природе и назначении авторского предисловия к прижизненному полному собранию сочинений (далее – ППСС) Мережковского⁴ остается насущной. Наконец, известно, что писатель, за редчайшими исключениями, не делал предисловий даже к отдельным художественным произведениям и в поздние годы с сожалением утверждал: «Все предисловия бесполезны»⁵. «Едва ли не единственное, – указывает Андрущенко, – опубликовано им в связи с выходом в свет первого романа трилогии “Христос и Антихрист”. По техническим причинам одновременно не могли быть напечатаны все три романа, и автор считал необходимым дать читателю некоторые пояснения к первому из них. Большинство же предисловий написано им к литературно-критическим статьям и исследованиям»⁶.

Сущностно авторское предисловие к ППСС представляется, как это бывает в аналогичных случаях, «важнейшим каналом связи литературного и внелитературного рядов»⁷. Будучи рамочным компонентом, оно «наиболее явно обнаруживает присутствие автора»⁸. Более того, «прямая декларативность авторского слова» становится главным «конstitutивным признаком»⁹. Единство личности творца и его стратегии, выраженной эксплицитно, компенсирует отсутствие целостности художественного мира ППСС.

В предисловии Мережковский открыто указывает на автобиографический характер собственного творчества: «...я только описываю свои последовательные внутренние переживания. И думаю: как бы ни было несовершенно описание, оно все-таки может получить цену в качестве подлинной записи о том, что было (здесь и далее курсив наш. – А. Х.)»¹⁰. В этом – очевидная перекличка между открывающим ППСС-2 авторским предисловием, повествующем о духовной биографии писателя, и «Автобиографической заметкой» в последнем томе, отсутствие которой в ППСС-1 придает предисловию особую значимость. Видимо, таким путем «внутренние» переживания и «внешняя» деятельность Мережковского должны составить в сознании читателя гармоничное целое.

В критико-биографическом очерке «Дмитрий Сергеевич Мережковский» М. А. Лятский точно подметил, что в своем предисловии писатель дает «очень важную нить для понимания всего его литературного творчества, его литературной физиономии»¹¹. «Между этими книгами, – говорит сам

Мережковский, – *несмотря на их разнородность, иногда разногласие, существует неразрывная связь. Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном*¹². Данное суждение подтверждает установку автора на структурно-семантическое единство произведений, входящих в полное собрание сочинений. Иначе говоря, авторское предисловие придает ППСС характер завершенности, становится важнейшим конструктивным элементом, организующим и обнажающим как формальные, так и содержательные связи.

По словам Мережковского, ответ на вопрос: «Что такое христианство для современного человечества?» – является скрытой связью между частями целого¹³. Автор дает «кратчайшую схему» написанного: «Трилогия “Христос и Антихрист” изображает борьбу двух начал во всемирной истории, в прошлом. “Л. Толстой и Достоевский”, “Лермонтов”, “Гоголь” – изображают эту же борьбу в русской литературе, в настоящем. “Грядущий Хам”, “Не мир, но меч”, “В тихом омуте”, “Большая Россия” – в русской общественности. “Древние трагедии”, “Итальянские новеллы”, “Вечные спутники”, “Стихотворения” отмечают вехами те побочные пути, которые привели меня к единому и всеобъемлющему вопросу об отношении двух правд – Божеской и человеческой – в явлении Богочеловека. Наконец, “Павел I” и “Александр I” исследуют борьбу тех же двух начал в их отношении к будущим судьбам России»¹⁴. Следовательно, предисловие Мережковского направлено на формирование определенной установки восприятия всего ППСС.

«ЧИТАТЕЛЬ...» – именно так, почтительно и без лишних слов, начинает автор, который не в первый раз «испытывает потребность предварить изложение проникновенным обращением к читателю, стремится вовлечь его в круг своих размышлений и ощущений, подготовить к восприятию последующего текста»¹⁵. Мережковский адресуется к читателям-спутникам, которых, по собственному признанию, среди современников у него немного, но каждый из них равен писателю «во всем»¹⁶. Тем самым автор надеется на искренний и живой отклик. Он хочет быть не только услышанным, но и понятым. Говоря с читателем от своего «я» (это местоимение используется наиболее активно), Мережковский ищет пути преодоления извечного одиночества. Хотя в предисловии утверждается обратное: «*Но я не один. Без помощи близких мне, близких по вере в единое, я не сделал бы и того малого, что сделал*»¹⁷, – мы вправе вспомнить высказывание писателя, предваряющее другой текст: «*Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и, особенно, в религии*»¹⁸. Обращенное к читателю, предисловие к ППСС содержательно выдает в Мережковском ориентацию на те литературные формы, «которые основаны на сочетании

самодостаточности авторской интенции, отказе от исчерпывающей предъявленности автора в произведении (“неизреченности” авторской идеи) и прямой авторской оценки как важнейших установок... творческого сознания»¹⁹. В этом же ряду – установка Мережковского на равноправное читательское сотворчество, осуществляемое по авторскому сценарию. Наконец, нельзя забывать о стремлении писателя в предисловии, равно как и в «Автобиографической заметке», упорядочить свой путь духовно-творческих исканий и объяснить (если не сгладить) встречающиеся на нем противоречия, которые, по словам Мережковского, «утверждают подлинность переживаний»²⁰.

Например, известно, что до первой русской революции Мережковский не стоял в непримиримой оппозиции к власти и церкви. Он признавал, что в самодержавии потенциально заключено «зерно религиозное», а в 1905 г. даже допускал мысль о возможном соединении официальной церкви с русской интеллигенцией, «дабы вместе с нею внести свет нового религиозного сознания в темную религиозную стихию русского народа»²¹, но взгляды писателя изменились: «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»²². Иными словами, официальная церковь и подчинившее ее государство стали отрицаться Мережковским. В предисловии автор специально останавливается на этой мировоззренческой метаморфозе: «*Когда я писал исследование “Л. Толстой и Достоевский”, я видел или хотел видеть положительную религиозную силу в русском самодержавии, именно в его связи с русским православием... Я был в этом последователен: утверждая в религии соединение Христа с Антихристом, я должен был утверждать то же соединение в общественности. Но в “Грядущем Хаме” и “Пророке русской революции” я уже знаю, что религиозная сила русского единовластия, действительно огромная, – не положительная, а отрицательная, демоническая*»²³.

Как видим, Мережковский мастерски акцентирует внимание на последовательности своих прежних суждений, а перемена во взглядах предстает не ментальным сломом, а едва ли не закономерным следствием «исторического созерцания», «внутреннего религиозного опыта» и «внешних событий русской жизни»²⁴, или – этапом единого пути, по которому целенаправленно движется автор и ведет за собой читателя.

Из сказанного логично прийти к заключению о невозможности дать авторскому предисловию Мережковского четкое жанровое определение, да и сам писатель не оставляет заголовка. Любое наименование – «предисловие», «вступление», «от автора» и т. п. – условно. Не будет преувеличением сказать, что это типологическая черта всех предисловий Мережковского: «И каждый раз трудно

определить, что это в структуре текста – предваряющее ли его предисловие или некая вводная часть, а может быть, первый раздел – часть текста, которая начинается повествованием»²⁵.

Если сравнивать рассматриваемое нами предисловие Мережковского с другими литературными формами, то наибольшее сходство обнаруживается с жанром исповеди (к которому, кстати говоря, примыкает автобиография, что вновь позволяет констатировать семантическую переключку между авторским предисловием в начале и «Автобиографической заметкой» в конце ППСС-2). Исповедальность подчеркивается несколькими чертами.

Во-первых, перед нами «биография» души, в основе которой «лежит идея перерождения или же идея становления»²⁶. «Я не имею притязания, – пишет Мережковский, – давать людям истину, но надеюсь: может быть, кто-либо вместе со мною пожелает искать истины. Если да, то пусть идет рядом по тем же извилинам, иногда темным и страшным путям; делит со мною иногда почти безысходную муку тех противоречий, которые я переживал»²⁷.

Во-вторых, автор, исповедуясь перед читателем, «рассказывает о том, что повлияло на формирование его души, не утаивая при этом своих неблагоприятных поступков»²⁸. Мережковский стремится быть предельно искренним: «Если бы читатель в этих мыслях моих со мной соблазнился, то со мною же и победил бы соблазн. Я знаю опять-таки одно: не поняв соблазна до конца, его не победишь»²⁹. Или другой пример: «Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе, Единородном Сыне Божиим, Том Самом, Которого исповедует вселенское христианство, что в Нем, Едином – не только совершенная, но и бесконечно совершаемая, бесконечно растущая истина, и не будет иной, кроме Него. Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину»³⁰.

Наконец, в-третьих, предисловию Мережковского свойственна одна стилистическая особенность – осязаемое присутствие назидательности, роднящей исповедь с другим жанром – проповедью-поучением. Однако автор понимает, что за ним давно закрепился ярлык проповедника от литературы, над которым властвуют идеи (неслучайно Л. Шестов свою статью о Мережковском озаглавил «Власть идей», 1903), и старательно отрешивается от него: «...я не проповедую и не философствую (а если иногда то и другое делаю, то нечаянно, наперекор себе)...»³¹; «Я не хочу последователей, учеников (слава Богу, у меня их

нет и никогда, надеюсь, не будет), – я хотел бы только спутников»³².

Таким образом, проповедь Мережковского закамouflирована под исповедально-моралистический комментарий к творчеству. Он не заставляет, но ласково заманивает читателя: «Не говорю: идите туда; говорю: если нам по пути, то пойдём вместе. Знаю: куда я иду, нельзя дойти одному. Если вообще есть в моих писаниях проповедь, то только эта: проповедь, что не должно быть проповеди; не должно быть одного ведущего, а надо идти вместе всем»³³; «Пусть, повторяю, спутники мои идут рядом со мною, если хотят и могут; а если нет, то покинут меня; – но я не поведу их за собою»³⁴. При этом, с одной стороны, Мережковский утверждает, что не хочет «стеснить свободы читателя»³⁵, а с другой – дает схему написанного и оставляет к ней комментарий.

На первый взгляд, эта особенность напоминает литературные предисловия XVIII в., которые использовались русскими писателями «в качестве “площадки” для концептуализации своих философских, нравственных, эстетических идей»³⁶. По мнению исследователя, в тех предисловиях авторы «избегают говорить о своей личности как о явлении “единственном и неповторимом”»³⁷. Мережковский словно заимствует этот принцип, когда пишет: «...то, что было со мною, было или будет со многими из моих современников; чем я жил и живу, тем жили и будут жить многие»³⁸. Между тем предисловие Мережковского, в котором через исповедально-моралистические комментарии к текстам акцентировано личное присутствие автора, в гораздо большей степени наследует гоголевской традиции.

Характеристики, данные в одной из работ предисловиям Н. В. Гоголя³⁹, можно без преувеличения отнести к манере Мережковского. Он тоже стремится объяснить смысл своего творчества, который раскрывается не имманентно, а в соотношении произведений друг с другом, через их включение в большой контекст. Как и Гоголь, Мережковский использует «форму прямого обращения к читателю, в которой, впрочем, прямое обращение было только формой, за которой стояла “подсказка” читателю главной мысли художника»⁴⁰. Для обоих писателей комментарий важен не только как способ изложения авторской концепции, но и как средство организации текстов. Наконец, и Гоголь, и Мережковский придают значимость объяснению с читателем, поскольку в их творчестве художественная и морально-этическая (а лучше сказать – религиозная) позиции нераздельны⁴¹.

Несмотря на то что предваряющее ППСС слово Мережковского не имеет четких жанровых границ, мы можем квалифицировать его как собственно референтное авторское предисловие, отсылающее читателя к аналогичным текстам с традиционной функциональностью. «Авторская концепция мира и художественного творчества представлена в них декларативно, – указывает

исследователь данного рамочного компонента, – художественное содержание переведено на язык логических понятий. Автономность этих предисловий определяется их свободой от связей с фабулой и сюжетом самого произведения»⁴². В случае с Мережковским – всего собрания сочинений, между которыми автор устанавливает эксплицитные связи, сцепляя смыслы в рамках собственной интенции, хотя авторская позиция, представленная «рефлексивно»⁴³, не исчерпывает всего семантического многообразия, что осознавалось писателем в полной мере: «*Это, разумеется, только внешняя, мертвая схема, геометрический рисунок лабиринта; внутреннее же строение тех тканей, которые образуют рост живого растения, я сам, по всей вероятности, меньше, чем кто-либо, знаю. Знаю только, что я ничего не хотел строить, – я хотел расти и растить; удалось ли, – не мне судить*»⁴⁴.

Примечания

- 1 См.: Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007.
- 2 См.: Холиков А. Полные собрания сочинений русских писателей : вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. 2011. № 2 ; *Он же*. Полные собрания сочинений русских писателей : вопросы истории и типологии. Приложение к статье // Обсерватория культуры. 2011. № 3 ; *Он же*. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. 2011. № 3 ; Холиков А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2.
- 3 См.: Андрущенко Е. «Все предисловия бесполезны...» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. 1996. Т. 55, № 3.
- 4 Поскольку одинаковые тексты предпосланы Мережковским и к первому (в 17 т.) и ко второму (в 24 т.) прижизненным полным собраниям сочинений, мы не оговариваем различий между двумя изданиями. Там, где это необходимо, следуют разные наименования: ППСС-1 и ППСС-2.
- 5 Мережковский Д. Тайна Запада : Атлантида – Европа. Белград, 1931. С. 5.
- 6 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 60.
- 7 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 8.
- 8 Ламзина А. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 848.
- 9 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 12–13.

- 10 Мережковский Д. [От автора] // Мережковский Д. Полное собрание сочинений : в 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
- 11 Лятский М. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д. Полное собрание сочинений : в 17 т. СПб. ; М., 1912. Т. 1. С. IX.
- 12 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. VIII.
- 15 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 61.
- 16 См.: Мережковский Д. [От автора]. С. VI.
- 17 Там же. С. VIII.
- 18 Мережковский Д. Тайна Трех : Египет и Вавилон. Прага, 1925. С. 7.
- 19 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 60.
- 20 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 21 Мережковский Д. Теперь или никогда // Мережковский Д. ПСС : в 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 143–144. В 1906 г. Мережковский составил «Воззвание к Церкви», которое предполагалось провозгласить на так и не состоявшемся митинге протеста с участием духовенства (см.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 702).
- 22 Мережковский Д. Реформация или революция? // Мережковский Д. ПСС : в 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 93.
- 23 Мережковский Д. [От автора]. С. VII.
- 24 Там же.
- 25 Андрущенко Е. Указ. соч. С. 59.
- 26 Волкова Т. Исповедь // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 85.
- 27 Мережковский Д. [От автора]. С. VI.
- 28 Волкова Т. Указ. соч. С. 85.
- 29 Мережковский Д. [От автора]. С. VII.
- 30 Там же. С. VI.
- 31 Там же. С. V. Ср. с другой репликой Мережковского : «Скучно слушать проповеди» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. М., 2005. С. 240).
- 32 Там же. С. VI.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. VII.
- 35 Там же.
- 36 Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 141.
- 37 Там же.
- 38 Мережковский Д. [От автора]. С. V.
- 39 См.: Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.). М., 2007. С. 278–301.
- 40 Там же. С. 300.
- 41 Если кому-то сравнение Мережковского с Гоголем покажется искусственным, напомним, что особенности

авторских предисловий – не единственная точка соприкосновения. На интертекстуальном уровне Гоголь присутствует в письмах Мережковского к Андрею Белому (см.: «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому / вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // *Вопр. литературы*. 2006. № 1. С. 135–185).

⁴² Лазареску О. Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С. 31–32.

⁴³ Здесь мы заимствуем терминологию В. Е. Хализева, который выделяет «рефлексивный» (активное воздействие автора) и «нерефлексивный» («аксиоматические» представления писателя, «психоидеология» общественной группы, к которой он принадлежит, его сексуальные комплексы, «коллективное бессознательное») аспекты художественной субъективности (см.: Хализев В. *Теория литературы*. М., 2009. С. 102–103).

⁴⁴ Мережковский Д. [От автора]. С. VIII.

УДК 821.161.1.09+929 Полонский

РОЛЬ ДУХОВНОГО ЗРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ (по материалам литературно-критических статей В. П. Полонского)

А. Р. Резепова

Саратовский государственный университет
E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

В работе проведен анализ влияния особенностей индивидуального мировосприятия писателя на формирование авторского стиля, указаны сферы взаимопроникновения общественной и индивидуальной составляющих духовного зрения писателя.

Ключевые слова: литературная критика 1920-х гг., В. П. Полонский, духовное зрение, эстетический анализ произведений.

The Role of Writer's Spiritual Vision in his Works: a Case Study of Literary Criticism Articles by V. P. Polonsky

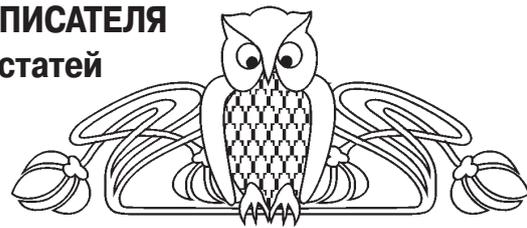
A. R. Rezepova

The article presents the analysis of interconnections between the writer's individual perception of the world and the development of his writing style. It also defines the mutual penetration spheres of social and individual components of the writer's spiritual vision.

Key words: literary criticism of 1920s, V. P. Polonsky, spiritual vision, aesthetic analysis of literary works.

Победа власти Советов и последующее установление диктатуры пролетариата потребовали создания и повсеместного внедрения новых общественных стандартов. Обновление коснулось без исключения всех сфер: политической, бытовой, социальной и культурной. Если с изменением социальной и бытовой все было определено, то изменение нематериальной стороны жизни требовало серьезного осмысления.

В 1920-х гг. при участии множества идеологических групп и объединений формировалась новая концепция искусства: переходная эпоха требовала новых принципов создания и изучения художественного произведения. Массовая критика этого периода еще не обладала ни достаточным теоретическим обоснованием исследовательских принципов, ни разработанным инструментарием и методологией анализа

художественной литературы. Подробным образом вопросы становления методологии массовой критики 1920-х гг. изучены в работах Г. А. Белой, Е. Г. Елиной, М. М. Голубкова, С. И. Шешукова, В. В. Эйдиновой и др.

Зачастую литературно-критический разбор произведения и творчества писателя сводился к ответам на следующие вопросы: «...как обстоят дела с классикой, пользуется ли автор новыми литературными приемами, умеет ли дать представление о характере героев»¹. В. П. Полонский как критик-марксист яростно «боролся с теми течениями в марксистской критике, которые, по его мнению, разрушали представление о художественной литературе как эстетическом феномене»². Его метод отличало полное погружение в творчество анализируемого автора. Как отмечает В. В. Эйдинова, «в работах критика раскрывается тот содержательный, основанный на понимании организующей роли стиля подход к нему, который позволяет автору глубоко войти в существо художественного мира писателя»³. Учитывая влияние классового и социального факторов на творчество, большее внимание Полонский уделял исследованию и анализу эстетической составляющей искусства слова.

Углубляя и усложняя положения, заявленные в статьях Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, ряд критиков – А. В. Луначарский, А. К. Воронский, В. П. Полонский и другие – отстаивали специфику художественного творчества как области соединения индивидуального и общественного. Проблему взаимодействия личного и социального начал в творчестве Полонский называл «важнейшей проблемой нашего времени»⁴, он отмечал, что лишь «счастливое соединение» богатого личного